

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 185–200.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 185–200.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1.0

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-185-200

МИФОЛОГЕМА ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Елена Анатольевна Андрущенко

Институт мировой литературы

им. А. М. Горького РАН,

Москва, Россия, andrushenko2013@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>

Аннотация. В статье речь идет о публицистике Д. С. Мережковского, в которой мифологема Петра Великого погружена в текущую литературно-общественную злобу дня. Решая полемические задачи, сформулированные после поражения первой русской революции, Мережковский обосновывал «новое религиозное сознание», в котором подчинение православия самодержавию оправдывалось будущим участием в историческом процессе Богочеловечества, а действенной силой осознавалась русская интеллигенция. После выхода в свет сборника «Вехи» стало очевидно, что его мысль об избранности интеллигенции и ее бессознательной религиозности дискредитирована и не получила поддержки. Мережковский называл себя наследником Петра («Я — сын Петра...»), что давало ему возможность опереться на авторитет его имени и оправдать обоснованность пролитой крови. Идеи Мережковского о народе и интеллигенции, о политике и общественной жизни, о православии и церкви

© Андрущенко Е. А., 2022

свидетельствовали об отвлеченности его представлений. Но через несколько лет, когда отголоски первой революции остались позади и социокультурная ситуация начала меняться, он выпустил в свет статью «Поэт вечной женственности» (1917). В ней мифологема Петра Великого помещена в «мужскую», «явную» линию русской культуры, противопоставленную линии Вечной Женственности. Деятельное начало, присущее Петру, Мережковский обнаруживал в Пушкине, Достоевском и Л. Толстом. В статьях периода эмиграции он обозначил сходство между «петровским поворотом» и большевизмом и противопоставил Петра русскому народу, который пассивно принял революцию и отказался бороться за европейский путь России.

Ключевые слова: Петр I Великий, Мережковский, публицистика, мифологема, «петровский поворот», «мужская» линия русской культуры

Ссылка для цитирования: Андрущенко Е. А. Мифологема Петра Великого в публицистике Д. С. Мережковского // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2022. Т. 5, № 3. С. 185–200.

<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-185-200>.

Memory of Culture

THE MYTHOLOGEM OF PETER THE GREAT IN D. S. MEREZHKOVSKY'S PERIODICAL PUBLICATIONS

Elena A. Andrushchenko

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, andrushenko2013@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>

Abstract. The article considers D. S. Merezhkovsky's periodical publications, where the mythologem of Peter the Great is immersed in contemporary socioliterary agenda. While addressing rhetorical challenges formulated after the defeat of the First Russian Revolution, Merezhkovsky argued for a “new religious consciousness”. It justified the subjugation of Orthodoxy to monarchy by its future participation in the historical process of God-manhood, while the Russian intelligentsia was recognized as a driving force. The appearance of the *Vekhi* collection made it clear that his

idea of the intelligentsia's chosen nature and its unconsciously religious character had been debunked and found no support. Merezhkovsky called himself an heir of Peter ("I am Peter's son..."), which enabled him to rely on the great authority and to justify the necessity of bloodshed. Merezhkovsky's ideas of the people and intelligentsia, politics and social life, Orthodoxy and church revealed the abstract nature of his views. However, in several years as the echoes of the first revolution subsided and the sociocultural situation began to change, he published an article entitled *The poet of eternal femininity* (1917). It placed the mythologem of Peter the Great in the "masculine", "explicit" current of the Russian culture opposed to the current of Eternal Femininity. The active spirit inherent in Peter was also identified by Merezhkovsky in Pushkin, Dostoevsky and L. Tolstoy. In his émigré articles he outlined a similarity between "Peter's turnaround" and Bolshevism, contrasting Peter with the Russian people that passively acknowledged the revolution and refused to struggle for Russia's European path.

Keywords: Peter the Great, Merezhkovsky, periodical publications, mythologem, "Peter's turnaround", "masculine" current of the Russian culture

For citation: Andrushchenko, E.A. (2022) 'The Mythologem of Peter the Great in D.S. Merezhkovsky's periodical Publications', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 185–200. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-185-200.

Литературный петровский миф Д. С. Мережковского, образ и мифологема Петра Великого в научной литературе изучены довольно основательно. Можно назвать десятки выдающихся работ, в которых роман «Антихрист. Петр и Алексей» (1905) получил замечательные прочтения. Наиболее известными из них стали труды З. Г. Минц [Минц, 1989], С. П. Ильева [Ильев, 1991], А. В. Лаврова [Лавров, 1999], Л. А. Колобаевой [Колобаева, 2019] и др. Но функционирование мифологемы Петра как минимальной единицы петровского мифа в публицистике Мережковского не находится в центре внимания исследователей, и это понятно. Романы писателя чрезвычайно интересны, многомерны, а его статьи всё же неравноценны по своему уровню и не всегда писались в связи с какими-либо общественными событиями. «Статейки эти в газетах я пишу для заработка, — писал он В. Я. Брюсову 8 декабря 1908 года. — И главное для меня — "Александр I" и "Декабристы", а также некоторые другие драмы из мистической жизни начала XIX века, которые мне хотелось бы написать» [Записные книжки ... , 1993, с. 36]. Но всё же проекты, запланированные

и реализованные в 1906–1908 годах, — они описаны в известной статье А. Л. Соболева «Мережковские в Париже» [Соболев, 1992], — имели фундаментальный религиозно-философский характер, а возможность писать о них для широкого круга русских читателей была крайне ограниченной.

В конце первой эмиграции Мережковских, зимой 1908 года, начинается сотрудничество с газетой «Речь». Как свидетельствуют письма к И. В. Гессену, характер планируемых публикаций определялся не только интересами Мережковского, но и текущей повесткой. Мережковский обращался с просьбой присылать им эту газету и новые книги: «Очень просим высылать “Речь”», — писал он 7 июня 1908 года и завершал письмо еще одной просьбой: «Если бы каких-либо *новых книг* прислали, — мы очень Вам были благодарны и статьи я бы скорей написал»¹. 3 августа 1909 года он снова пишет: «“Речи” мы не получаем, хотя я Вам писал, просил высылать, и в контору мы писали. Очень просим: велите высылать»². Интенсивность публикаций Мережковского в эти годы была чрезвычайно высокой, а импульсом к их созданию были книжные новинки или газетные статьи, дававшие возможность высказаться на актуальные темы: «Сошествие в ад» (по «Рассказу о семи повешенных» (1908) Л. Н. Андреева), «Асфодели и ромашка» (по «Письмам из Сибири» (1907) А. П. Чехова), «Христианские анархисты» (по сборнику «Духоборцы» (1908), составленному П. Бирюковым), «Реформация или революция?» (по Запискам СПб. религиозно-философского общества (1908) и первому выпуску журнала «Живая жизнь», 1908), «Бес или Бог?» (по изданию «Памяти Фрумкиной и Бердягина», 1908), «Немой пророк» (по «Воспоминаниям о брате Владимире Соловьеве» М. С. Безобразовой, 1908) и др. На обзоре статей Л. Галича, К. Чуковского и Д. Философова построена статья «Мистические хулиганы» (1908). В этом литературно-общественном контексте и возникает мифологема Петра. Она погружена в освещение актуальных событий и вместе с тем несет с собой смыслы, сформированные в книге «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902) и в романе «Антихрист. Петр и Алексей», который публиковался в «Новом пути» в течение 1904 года.

В предисловии к «Религии» книги «Л. Толстой и Достоевский» Мережковский поднял вопрос о подчинении православия самодержавию, проведенном Петром Великим. Он пришел к выводу, что Петр спас восточное христианство, не дав патриарху сделаться папой.

¹ Письма Д. С. Мережковского в редакцию газеты «Речь». 1 мая 1908 — 3 сентября 1915 г. // РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 561. Л. 2–2 об.

² Там же. Л. 5.

Страшен удар, нанесенный церкви Петром, и то состояние, в которое он поверг ее, действительно, похоже на состояние «паралича». Но в том-то и обнаружилась уже не историческая, а сверх-историческая, мистическая крепость церкви, что и этот удар был для нее спасителен, что и Петр, думая сделать церковь орудием своим, сам оказался лишь орудием Высшей Воли.

[Мережковский, 2021, с. 245]

Этот вопрос, казалось бы, далекий от событий общественной жизни той поры, был актуализирован осенью 1905 года, когда в «Церковном вестнике» была опубликована статья «О необходимости перемен в русском церковном управлении. Мнение группы столичных священников» [О необходимости перемен ... , 1905]. Мережковский воспринял эту публикацию с воодушевлением. Статью о ней «Теперь или никогда» (1905) он не только опубликовал трижды за два года, но и включил в оба Полных собрания своих сочинений. Планируя печатать ее в газете «Русское слово», он столкнулся, видимо, с нежеланием редакции включаться в полемику. В письме от 5 мая 1905 года Мережковский спрашивал у Ф. И. Благова: «Что произошло с моей статьей “Теперь или никогда”, <...> Почему она не была напечатана? Признаюсь, этот прецедент меня несколько обескуражил»³. Статья впервые была опубликована в «Вопросах жизни» с подзаголовком «О церковном соборе».

Поддерживая слова священников, писавших о необходимости «восстановить каноническую свободу церковного самоуправления», Мережковский поставил вопрос о реформе русской церкви, которая привела бы к ее освобождению. Ему представлялось, что в этой связи следует снять с Петра обвинение в порабощении церкви, которое выросло из неверного понимания его действительной роли.

Тут является соблазн, которому, кажется, подпал Достоевский, и не он один; а именно, из посылки: русская церковь в параличе с Петра Великого — сделать вывод: русская церковь в параличе *от* Петра Великого; <...> Приобщение России к западноевропейской и ко всемирной культуре в тот исторический миг, в который выступил Петр со своею реформой, имело неисчислимое значение не только историческое, государственное, общественное, культурное, но и *религиозное*. Ежели последняя цель христианства — не дело одного личного спасения, но и спасения всеобщего, всечеловеческого, которое достигается в процессе всемирной истории, то нельзя не признать, что последний христианский идеал *Богочеловечества* достижим только через идеал *всечеловечества*, то есть идеал

³ Мережковский Д. С. Письма Благову Ф. И. 1905, 1911 // НИОР РГБ. Ф. 259. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 2 об.

вселенского, все народы объединяющего просвещения, вселенской культуры. Оставаясь же в замкнутом круге своей национальной культуры, ни один народ не может исполнить своего высшего христианского предназначения, не может войти в этот синтетический, всеобъединяющий, вселенский процесс Богочеловечества. Разрывая круг московской национальной замкнутости, который грозил сделаться для своей же национальной культуры мертвой петлей, и вовлекая Россию в Европу, в культуру вселенскую, Петр тем самым приближал возможность участия России во всемирно-историческом процессе Богочеловечества. И в этом смысле дело Петра не только дело религиозное, но и святое подлинною *христианскою святостью*.

[Мережковский, 1914, т. XIV, с. 122, 124]

Мережковский полагал, что Петр совершил «величайший религиозный подвиг», когда «согласился принять на себя страшную тень Зверя, тень Антихриста, донныне еще окончательно не снятую с лучезарного образа Петрова» [там же, с. 125]. Обозревая историю церкви, Мережковский писал, что она уклонилась от пути, намеченного Петром, и отказалась от дела европейского просвещения, стала средоточием реакции. Единственной силой, продолжившей дело Петра, он называет русскую интеллигенцию.

Соединение мифологемы Петра с образом русской интеллигенции представляется весьма симптоматичным. Это своего рода замена, произведенная Мережковским в связи с новой идеологической целью, поставленной им в год первой русской революции. В книге «Л. Толстой и Достоевский» петровские реформы связывались им все же с судьбой русской литературы. Завершая размышление об истинном смысле этих реформ, он писал:

Не совершится ли на Востоке второе и окончательное, не языческое, а христианское Возрождение, которое найдет Святую Плоть, потому что будет сознательно искать ее уже в самом христианстве? Кажется, второе Возрождение это и начинается, действительно, ежели не в самой русской церкви, то около нее и близко к ней, именно в русской литературе, до такой степени проникнутой веяниями нового таинственного «христианства Иоаннова», как еще ни одна из всемирных литератур.

[Мережковский, 2021, с. 248]

В революционные дни русская литература уже не осознавалась такой действенной силой, чтобы обеспечить перерастание социально-политического переворота в религиозный, так что в качестве ведущей силы Мережковский

выбрал русскую интеллигенцию. Подтверждение этого наблюдения находим в статье «Грядущий Хам», складывавшейся из газетных публикаций 1905 года и давшей название известному сборнику 1906 года.

Что же это за небывалое, единственное в мире общество, или сословие, или каста, или вера, или заговор? Это не каста, не вера, не заговор, — это все вместе в одном, это — русская интеллигенция. Откуда она явилась? Кто ее создал? Тот же, кто создал или, вернее, родил всю новую Россию, — Петр. Я уже раз говорил и вновь повторяю и настаиваю: *первый русский интеллигент — Петр*. Он отпечатлел, отчеканил, как на бронзе монеты, лицо свое на крови и плоти русской интеллигенции. Единственные законные наследники, дети петровы — все мы, русские интеллигенты. Он — в нас, мы — в нем. Кто любит Петра, тот и нас любит; кто его ненавидит, тот ненавидит и нас. Что такое Петр? Чудо или чудовище? Я опять-таки решать не берусь. Он слишком родной мне, слишком часть меня самого, чтобы я мог судить о нем беспристрастно. Я только знаю — другого Петра не будет, он у России один; и русская интеллигенция у нее одна, другой не будет. И пока в России жив Петр Великий, жива и великая русская интеллигенция. Мы каждый день погибаем. У нас много врагов, мало друзей. Велика опасность, грозящая нам, но велика и надежда наша: с нами Петр.

[Мережковский, 1914, т. XIV, с. 28–29]

Интеллигенции, как и Петру Великому, полагал Мережковский, присущи беспочвенность, интеллект и «оторванность от знаменитых “трех основ”, трех китов народной жизни». Это, по его мнению, образовало бездну, отделяющую интеллигенцию от народа:

...тут *бездна*, та самая «бездна», над которою Медный всадник Россию «вздернул на дыбы», — всю Россию, а не одну лишь русскую интеллигенцию. Пусть же ее обвинители скажут прямо: Петр — не русский человек. Но в таком случае мы, «беспочвенные» интеллигенты, предпочтем остаться с Петром и Пушкиным, который любил Петра как самого родного из родных, нежели с теми, для кого Петр и Пушкин чужие. «Страшно свободен духом русский человек», — говорит Достоевский, указывая на Петра. В этой-то страшной свободе духа, в этой способности внезапно отрываться от почвы, от быта, истории, сжигать все свои корабли, ломать все свое прошлое во имя неизвестного будущего, — в этой произвольной *беспочвенности* и заключается одна из глубочайших особенностей русского духа.

[Там же, с. 29–30]

Здесь Мережковский нанизывает образы — бездны, Медного всадника, Пушкина, Достоевского, которые сливает в метафору русской культуры, ведущую начало от Петра Великого. Еще одна особенность интеллигенции, по Мережковскому, — ее безбожие. С одной стороны, он объясняет причины атеизма союзом церкви с самодержавием, оттолкнувшим русский образованный класс от православия, а с другой — предлагает формулу, позволяющую представить интеллигенцию ведущей силой будущей религиозной революции. Интеллигенции, писал он, присуща бессознательная религиозность и сознательная революционность, которые предстоит объединить в «религиозной общности».

В статье «Страшный суд над русской интеллигенцией» (1906), написанной под впечатлением от речи епископа волынского Антония о страшном суде и о современных событиях, произнесенной в Исаакиевском соборе 20 февраля 1905 года, Мережковский выступил за реформу русской церкви. Он писал, что епископ, в сущности, произнес осуждающее интеллигенцию слово, и сделал из этого такой вывод:

Петр — первый образованный русский человек, первый русский интеллигент. И приговор нам есть в то же время приговор ему. Ежели мы все, образованные русские люди, — «антихристы», то и Петр — «антихрист». Так ведь и решают люди «древлего благочестия», для которых тоже всякое участие в культуре «еретического Запада» есть отречение от Христа, удалившегося, будто бы, от всего мира и «живущего только в России», «Третьем Риме», «Новом Израиле». И ежели делать то, что мы, образованные русские люди, плоть от плоти, кость от кости, дети Петровы, по его завету делаем, значит «ненавидеть Россию», — то и Петр ее ненавидел. Мало того: суд над ним и над нами есть в то же время суд над всем петербургским периодом русской истории, который продолжал дело Петра, <...> государственная власть не имела достаточно мужества, чтобы соединиться с нами, русской интеллигенцией, единственной в России носительницей живого духа тех же заветов петровых, в нашем стремлении к свободе личности, последнему и драгоценнейшему дару западноевропейской культуры.

[Там же, с. 150–151]

Отношение церкви к русскому образованному классу здесь опрокинуто в историю: если православная церковь обрушивается на интеллигенцию, тем самым она выступает и против Петра, и против того исторического периода в России, который освещен светом его реформ.

В статье «Революция и религия» (1907) «петровский поворот» осмыслен через уничтожение патриаршества:

...на Востоке патриаршество, русское папство, побеждено русской империей. Петр Великий вовсе не нарушил, как обвиняли его староверы и славянофилы, а исполнил завет Москвы и Византии, когда, уничтожив патриаршество, если не назвал, то сделал себя самодержцем и первосвященником вместе, главою государства и церкви вместе... <...> Петр Великий исполнил древний завет о соединении церкви с государством; но другой завет московского и византийского государственно-церковного строительства — окаменелую недвижность, верность преданию, уставу, преобладание начала статического над динамическим, — Петр должен был нарушить, подчиняясь необходимости вдвинуть Россию в Европу, для того, чтобы сделать русский Третий Рим всемирным...

[Мережковский, 1914, т. XIII, с. 40–41]

Мережковский полагал, что уничтожением патриаршества и подчинением церкви Петр решал проблему европеизации России. Он нанес такой удар по всему социальному и культурному устройству старой России, что произошел церковный, культурный и общественный раскол «на старую и новую, нижнюю и верхнюю, простонародную и так называемую “интеллигентскую”» Россию. По мысли Мережковского, результатом раскола стал рост сектантства, в котором исторические процессы получили мистическое измерение и питали мысль о религиозной революции. Именно она «рано или поздно должна соединиться с ныне совершающейся в России революцией социально-политической» [там же, с. 43]. Это следует учитывать при изучении жгучего интереса Мережковского к сектантству, которое он рассматривал союзником интеллигенции в революции.

Итак, в публицистике Мережковского имя Петра Великого включено в сложные метафорические образования, позволяющие освещать широкий круг культурных и общественных явлений. Мережковский подверг пересмотру мнение о вине Петра в деле порабощения церкви, полемизируя здесь с Достоевским, и осмыслил его как первый шаг на пути приобщения России к общеевропейскому движению, цель которого — будущая единая церковь. Но гораздо последовательнее Мережковский проводит мысль о связи с Петром русской интеллигенции. Это давало возможность ответить на упреки в ее беспочвенности, атеизме, отсутствии связи с народом, высказываемые в полемике как с правыми, так и с левыми. И здесь обнаруживается эволюция Мережковского в отношении к Петру, ведь в третьем романе трилогии «Христос и Антихрист»

он демонстрирует, что петровское государство лишь имитировало западное, а создаваемое Петром общество не выдерживало его требований, и произошел не синтез, а смешение. Так что «хамство» в «Грядущем Хаме» является не крайним выражением, а символом середины, мещанства. Выходом из него и становится «религиозная общественность» как крайнее, радикальное выражение деятельности интеллигенции.

Эта кабинетная идея отчетливо выделяла точку зрения Мережковского в интеллектуальных спорах тех лет. Между тем оказалось, что не только представление о религиозной общественности, но даже само понимание сущности интеллигенции не было единым. Об этом свидетельствует его полемика с П. Б. Струве о статье «Великая Россия», которую, пользуясь метафорой В. К. Кантора [Кантор, 2010, с. 161–178], можно назвать столкновением двух утопий, а также редкая в наследии Мережковского работа «Интеллигенция и народ» (1908). Редкая потому, что его представления о народе вообще-то всегда были абстрактными, народ не становился предметом его размышлений с тех пор, как он потерял интерес к народничеству. И в этой статье он рассматривает народ как эстетическую оппозицию русской интеллигенции, противопоставляя В. Г. Белинского мужику Мареею, «спасшему ребенка-Достоевского от волка».

Мережковский писал о своем удивлении тем, что противниками интеллигенции оказались интеллигентные люди: «Поднимается один интеллигент, другой, третий... В различных одеждах, различного положения, даже с различными мыслями... тут и “кающийся дворянин”, и бывший марксист, сбитый с толку, и молодой позитивист “с вопросами”, и студент, который завтра застрелится» [Мережковский, 1908, с. 2]. Объявляя, что интеллигенции не существует,

...захудалый интеллигент, выйдя из подъезда Географического общества, побежит в своей шубенке «на рыбьем меху» в дальний конец города совершенно таким же интеллигентом, со своими интеллигентскими чувствами и психологиями, в квартиру придет непременно интеллигентскую и жене о собрании будет рассказывать интеллигентскими словами. Интеллигентство сидит у него не в шубе, на каком бы она меху ни была, сидит даже не в умствованиях его, а в душе, в крови. Там же сидит у него и народ...

[Там же]

Соглашаясь с Блоком в том, что интеллигенция и народ — это «не только два понятия, но две реальности», Мережковский призывал похоронить в общественном сознании «интеллигентщину», а не интеллигенцию. Он протестовал против попыток возложить часть ответственности на Петра Великого,

которого назвал предшественником Пушкина и всей русской интеллигенции. «Я — сын Петра, все мы, как мы есть, дети Петра, и от него не откажемся. Но я тоже и сын России, и от нее не откажусь. Во мне самом Петр борется с Россией, и борьба еще не кончена» [там же]. Интересно, что позднее в письме Вл. И. Немировичу-Данченко от 3 марта 1916 года он писал: «Решен ли Ваш приезд в Петербург? Для меня это очень важно. Ведь Петербург (а не “Петроград”) мой родной город (Петр — Пушкин — Достоевский)»⁴.

Литературная мифологема Петра включалась в освещение текущей злобы дня, которое проводилось Мережковским не всегда удачно и уместно. Особенно тяжелое разочарование его ожидало после выхода в свет сборника «Вехи» (1909), где мысль об избранности русской интеллигенции и ее бессознательной религиозности была подвергнута критике (см. [Андрющенко, 2007]). О разочаровании Мережковского свидетельствует статья «Семь смиренных» (1909), написанная слабо и невнятно. Но через несколько лет, когда отголоски первой революции стихли и социокультурная ситуация начала меняться, он выпустил в свет одну из своих последних статей о русской литературе «Поэт вечной женственности». В ней окончательно оформилась культурная парадигма, в которой занял свое место и Петр Великий.

Специалисты уже обращали внимание на тему Вечной Женственности у Мережковского. Но в его статьях о литературе обозначилась и мысль о «мужском» начале русской культуры. «Мужская», «явная» линия идет, по Мережковскому, от Петра и Пушкина до Толстого и Достоевского. В статье о Тургеневе они противопоставлены «женской», «тайной», «ночной» линии Вечной Женственности:

От Петра и Пушкина (потому что Пушкин — певец Петра по преимуществу) к Толстому и Достоевскому — титанам русской воли и русского разума — идет линия нашего мужества, явная, дневная; а ночная, тайная линия женственности — от Лермонтова к Тургеневу <...> уже не только русскому, но и всемирному поэту Вечной Женственности. И, может быть, далее — от прошлого к будущему — от Тургенева поэта к Вл. Соловьеву пророку, а от него и к нам.

[Мережковский, 1917, с. 76]

Петр стоит здесь у основания русской литературы и символизирует ее «мужское» начало. Обратим внимание, что в проведенной Мережковским ли-

⁴ Мережковский Д. С. Письма к Немировичу-Данченко Вл. Ив. [1902], 1914, 1915, 1916, 1919 и б. д. // Музей МХАТ. Ф. 4. Архив В. И. Немировича-Данченко, Н.-Д.-4930/3.

нии не только Пушкин и Достоевский, но и Л. Толстой, об отпадении которого от русской культуры он писал так горячо, осознается последователем Петра. Разумеется, дело не только в изменившейся социокультурной ситуации и новом звучании для Мережковского важнейших тем русской литературы. На первый план выступало осмысление кардинальных изменений, произошедших в России в 1917 году, и актуализировалась мысль о необходимости деятельного начала, заключенного в «мужской» линии культуры. Об этом свидетельствуют и статьи, написанные в эмиграции, где мифологема Петра включается, как и в годы первой революции, в общественно-политическую проблематику.

В статье «Савинков» (1920) Мережковский провел параллель между делом Петра и большевизмом.

Кто в России люди с сильной волею? Пугачевы, Разины, Ленины, Троцкие. И в величайшем явлении русской воли — в Петре — нет равновесия воли с умом и совестью. Не потому ли сейчас и проваливается вся Россия петровская, что ее основание, существо Петра, именно тут, в расхождении ума и совести с волею, дало трещину. Я не оскорбляю великую память, не скажу, что Петр — «большевик». Но надо все-таки правду сказать: между Петром и большевиками есть кровная связь, и, чтобы порвать эту связь, вся Россия сейчас истекает кровью. Да, проклятие наше в том, что русская воля — во зле, во грехе, в безумии, а русская святость и мудрость — в безволии; проклятие наше в том, что лучшие русские люди созерцают, а действуют — худшие.

[Мережковский, 2001, с. 138]

Размышляя о столетии восстания декабристов, он опять соединил имя Петра с именем Пушкина и поместил между ними первых революционеров, которые, начав восстание под Медным всадником, «как будто уничтожают, а, на самом деле, продолжают» его дело:

Лик Наполеона — на современной Европе, лик Петра — на России. Но самодержавие после Петра только и делает, что стирает этот лик, заколачивает «окно в Европу», чтобы оттепельный ветер оттуда не растопил русского «вечного полюса». Они, дети Петровы, снова прорубают это окно.

[Там же, с. 218]

В статье с говорящим названием «Пушкин с нами» (1926), писавшейся для торжественного заседания в Сорбонне в день русской культуры, Мережковский обвинил русский народ в измене великому делу Петра и в том, что

он ушел в «азиатскую тьму», забыв «назначение России соединить Европу и Азию, Восток и Запад в грядущей всемирности» [там же, с. 230]. Этой мыслью он, в сущности, завершил свой путь осмысления «петровского поворота» в истории России, когда в 1928 году в статье «Захолустье» написал:

В лучшие свои минуты, обращается она лицом к Юго-Западу, к Средиземному солнцу и морю; в худшие — к Востоку — к песчаным пустыням Центральной Азии, к ледяным — Северной, и вдруг начинает пахнуть страшным «запахом смерти» — не русской, а финно-монгольской, «евразийской» овчиной. Так запахла Московская Русь, когда воля к захолустью, с изуверским утверждением своего племенного, этнического, как абсолютной истины, и с отрицанием чужого, всемирного, как абсолютной лжи, привела ее на край гибели. Спас Петр. От Петра до Пушкина — восходящая линия русской всемирности; далее — срыв и падение от славянофилов-восточников, бунтовщиков против Петра, через нигилистов-западников, бунтовщиков против Пушкина, до коммунистов, — последней глубины падения.

[Там же, с. 325]

Петр Великий был одной из любимых исторических фигур Мережковского. Как писал А. В. Лавров, «Мережковский стремился не только к реконструкции переломной петровской эпохи, но и к созданию историософской, символически-провиденциальной картины, проливающей свет сквозь образы прошлого на грядущие судьбы России и мира» [Лавров, 1999, с. 21]. В его публицистике мысль о религиозном смысле «петровского поворота», трансформируясь, обретала конкретные соотнесения с современностью и служила утверждению «нового религиозного сознания». Мифологема Петра Великого всякий раз помещалась в иной контекст: помогала выявить эстетические достоинства творчества Пушкина, служила инструментом борьбы за новую церковь, давала возможность обосновать избранность русских интеллигентов. В их число попадали не только Герцен, Белинский, но герои Достоевского и он сам. Переключаясь из религиозной сферы в эстетическую, из эстетики в злободневную политику, Мережковский то оказывался на высоте постижения, то проваливался в наивные умозаключения.

Но в его отношении к Петру Великому есть и более тонкое обстоятельство. Осознание себя самого наследником Петра («Я — сын Петра...») давало ему своего рода опору на авторитет великого преобразователя и оправдание в провозглашении крайностей, в признании правомерности пролитой крови. Многие идеи, высказанные Мережковским, свидетельствовали об абстрактности и отвлечен-

ности его представлений о народе и интеллигенции, о политике и общественной жизни, о православии и церкви. З. Г. Минц полагала, что «Мережковский был слеп. Способность к художественным прозрениям не отменяла его политической наивности, подогреваемой человеческой бестактностью, склонностью к “комнатному” доктринерству, безмерным самолюбием. Эти качества завели его в последние годы жизни в наиболее темные коридоры европейской жизни» [Минц, 1989, с. 26]. Но его строки о петербургском периоде русской истории, об образе Петра, воспетом Пушкиным, и его наследниках — русских интеллигентах несомненно относятся к лучшим, написанным в эпоху Серебряного века.

Список источников

Андрущенко Е. А. Д. С. Мережковский против «Вех» // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры. М.: Наука, 2007. С. 163–168.

Записные книжки и письма Д. С. Мережковского. Письма / публ. Е. Андрущенко, Л. Фризмана // Русская речь. 1993. № 5. С. 25–40.

Ильев С. П. Русский символистский роман: Аспекты поэтики. Киев: Лыбидь, 1991. 168 с.

Кантор В. К. Петр Струве: Великая Россия, или Утопия, так и не ставшая реальностью // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, вып. 4. С. 161–178.

Колобаева Л. А. Русский символизм. 2 изд., доп. М.: МГУ, 2019. 352 с.

Лавров А. В. Мережковский // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 17–27.

Мережковский Д. Интеллигенция и народ // Речь. 1908. № 279. 16 (29) ноября. С. 2.

Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: в 24 т. М.: И. Д. Сытин, 1914.

Мережковский Д. Невоенный дневник. 1914–1916. Петроград: К-во «Огни», 1917. 224 с.

Мережковский Д. С. Царство Антихриста. Статьи периода эмиграции / сост., коммент. О. А. Коростелева и А. Н. Николюкина; послесл. О. А. Коростелева. СПб.: РХГИ, 2001. 656 с.

Мережковский Д. С. Собр. соч.: в 20 т. М.: Дмитрий Сечин, 2021. Т. 10: Л. Толстой и Достоевский: Исследование / подгот. текста, послесл. Е. А. Андрущенко; примеч. Е. А. Андрущенко при участии Н. Г. Андрущенко. 816 с.

Минц З. Г. О трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» // *Мережковский Д. С.* Трилогия. М.: Книга, 1989. Т. 1. С. 5–26.

О необходимости перемен в русском церковном управлении. Мнение группы столичных священников // Церковный вестник. 1905. № 11. С. 321–325.

Соболев А. Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица. Биографический альманах. 1. СПб.–М.: Феникс: Atheneum, 1992. С. 319–373.

Архивы

Музей МХАТ — Музей Московского художественного академического театра;

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки;

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

References

Andrushchenko, E.A. (2007) ‘D.S. Merezhkovskii protiv “Vekh”’ [‘D.S. Merezhkovsky against “Vekhi”’], in *Sbornik «Vekhi» v kontekste russkoi kul'tury* [Collection “Vekhi” in the Context of Russian Culture]. Moscow: Nauka Publ., pp. 163–168.

Andrushchenko, E., Frizman, L. (eds) (1993) ‘Zapisnye knizhki i pis'ma D.S. Merezhkovskogo. Pis'ma’ [‘Notebooks and Letters of D.S. Merezhkovsky. Letters’], *Russkaya rech'*, 5, pp. 25–40.

Il'ev, S.P. (1991) *Russkii simvolistskii roman: Aspekty poetiki* [The Russian Symbolist Novel: Aspects of Poetics]. Kiev: Lybid' Publ.

Kantor, V.K. (2010) ‘Petr Struve: Velikaya Rossiya, ili Utopiya, tak i ne stavshaya real'nost'yu’ [‘Petr Struve: Great Russia, or the Utopia that Never Became Reality’], *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 11(4), pp. 161–178.

Kolobaeva, L.A. (2019) *Russkii simvolizm* [Russian Symbolism]. Moscow: MSU.

Lavrov, A.V. (1999) ‘Merezhkovskii’ [‘The Merezhkovskys’], in *Russkie pisateli 1800—1917. Biograficheskii slovar'. Tom 4* [Russian Writers 1800–1917. Biographical Dictionary. Vol. 4]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., pp. 17–27.

Merezhkovskii, D. (1908) ‘Intelligentsiya i narod’ [‘Intelligentsia and the people’], *Rech'*, 279, November 16 (29), p. 2.

Merezhkovskii, D.S. (1914) *Polnoe sobranie sochinenii: v 24 tomakh*. [Complete Works (24 vols)]. Moscow: I.D. Sytin Publ.

Merezhkovskii, D. (1917) *Nevoennyi dnevnik. 1914–1916* [Non-military Diary. 1914–1916]. Petrograd: K-vo “Ogni” Publ.

Merezhkovskii, D.S. (2001) *Tsarstvo Antikhrista. Stat'i perioda emigratsii* [Kingdom of the Antichrist. Émigré Articles]. Compiled with notes by O.A. Korostelev, A.N. Nikoliukin, afterword by O.A. Korostelev. St. Petersburg: RKhGI Publ.

Merezhkovskii, D.S. (2021) *Sobranie sochinenii: v 20 tomakh. Tom. 10. L. Tolstoi i Dostoevskii: Issledovanie* [Collected Works: 20 vols. Vol. 10. L. Tolstoy and Dostoevsky: A study]. Editing and afterword by E.A. Andrushchenko; notes by E.A. An-

drushchenko with assistance from N.G. Andrushchenko. Moscow: Dmitrii Sechin Publ.

Mints, Z.G. (1989) ‘O trilogii D.S. Merezhkovskogo “Khristos i Antikhrist”’ [‘On D.S. Merezhkovsky’s Trilogy “Christ and Antichrist”’], in Merezhkovskii, D.S. *Trilogiia. Tom 1 [Trilogy. Vol. 1]*. Moscow: Kniga, pp. 5–26.

‘O neobkhodimosti peremen v russkom tserkovnom upravlenii. Mnenie gruppy stolichnykh sviashchennikov’ [‘On the Necessity of Changes in Russian Church Administration. Opinion of a Group of Metropolitan Priests’] (1905). *Tserkovnyi vestnik*, 11, pp. 321–325.

Sobolev, A.L. (1992). ‘Merezhkovskie v Parizhe (1906–1908)’ [‘The Merezhkovskys in Paris (1906–1908)’], in *Litsa. Biograficheskii al'manakh. 1 [Faces. Biographical Almanac. 1]*. St. Petersburg–Moscow: Feniks: Atheneum, pp. 319–373.

Информация об авторе: Е. А. Андрущенко — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН). Адрес: Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а.

Information about the author: E. A. Andrushchenko — DSc in Philology, professor, leading research fellow at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS). Address: 25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022;
одобрена после рецензирования 20.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 01.07.2022;
approved after reviewing 20.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.